

Н. Н. Широбокова

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

shirobokova_nn@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ АССИМИЛЯЦИИ НА МОРФЕМНЫХ ШВАХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ *

Правила сочетаемости согласных звуков, по замечанию Н. С. Трубецкого, накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав.

Изменение закономерностей сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а также на алломорфное варьирование, а через него и на структуру морфологических парадигм.

В тюркских языках Сибири, в том числе и в некоторых кыпчакских языках (киргизском, казахском и др.), идет процесс, который можно охарактеризовать как перенос фонотактических закономерностей, свойственных одноложной корневой морфеме, на межморфемные консонантные сочетания. Сокращение частотности употребления модели присоединения аффиксов через соединительный гласный привело к увеличению количества сочетаний согласных на морфемных швах и стимулировало развитие процессов ассимиляции. Наиболее частотны случаи прогрессивной ассимиляции. Если основа оканчивается на гласный или сонорный согласный, то и начальный шумный согласный аффикса будет либо звонким, либо сонорным. Если слово (основа) оканчивается на глухой согласный, то и начальный аффикса будет глухим.

Согласные сочетаются между собой по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков, одним из результатов этого процесса стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный согласный. В первую очередь это затрагивает аффиксы, имевшие в древнетюркском в анлауте *m*-.

В современных языках Южной Сибири этот аффикс имеет основной вариант (в качестве основного принимается вариант, употребляемый после гласного основы) *-ба // -ва*: тоф. *сана-ва* 'не читать', *бер-бе* 'не давать', *ал-ба* 'не брать', *алыс-на* 'не поддаваться', 'не продавать'; после основ на гласный употребляется вариант *-ба // -бе // =бо // -бб*: алт. *ште-бе* 'не работать'. Тот же процесс – десоноризация анлаута для аффиксов с переднеязычными согласными *n*- и *л*- – фиксируется в южносибирских языках на более ранних ступенях изменения.

Из-за расширения зоны алломорфов с шумным согласным в анлауте они постепенно выдвигаются в позицию основного варианта морфемы. Увеличение алломорфов и затемнение морфологической структуры словоформы усложняют морфологическую систему.

Ключевые слова: ассимиляция, прогрессивная ассимиляция, регрессивная ассимиляция, диссимиляция, морфема, фонотактика, тюркские языки Южной Сибири, кыпчакские языки.

Тюркские языки можно разделить на две большие зоны по количеству вариантов аффиксов, образующихся в результате ассимиляции анлаутного согласного аффикса. К языкам с большим

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе»).

количеством вариантов аффиксов, а следовательно, с сильно развитой ассимиляцией, относятся кыпчакские и тюркские языки Сибири. Процессы ассимиляции, особенно после сонорных, различаются. Среди сибирских тюркских языков сильно развитой ассимиляцией выделяется якутский. Спецификой ассимиляции в якутском, в сравнении с другими тюркскими языками, является, например, то, что в пределах одной парадигмы в якутском может использоваться и прогрессивная, и регрессивная ассимиляция: *ат-быт* > *аппыт* 'наша лошадь', *ыт-ка* > *ыкка* 'собаке'. Очень характерная для якутского языка ассимиляция внутри основы имеет особые закономерности и твердо не установилась даже в пределах говоров [Убрятова, 1960. С. 100]. Механизмы присоединения аффиксов к основе различны. Только две трети аффиксов с начальными согласными, рассмотренных в работе Л. Н. Харитоновой «Современный якутский язык» [1947], меняют начальный согласный аффикса в зависимости от конечного согласного основы. Более последовательно ассимилируются словоизменительные аффиксы. Неизменяемые аффиксы (речь идет только об изменении согласных, гармонии гласных подчиняются все аффиксы) могут присоединяться к основе при помощи соединительной гласной (*-талаа* – форма многократного вида глаголов: *быс-* > *быһыталаа*, *тут-* > *тутуталаа*), выпадения конечного согласного основы (словообразовательный аффикса имен существительных *-был*: *эрэн-* > *эрэбил* 'надеяться'), выбора между консонантно-начальным и вокально-начальным вариантами аффикса: аффиксы принадлежности *-а* // *-та*.

В качестве начальных согласных ассимилируемых аффиксов в якутском языке выступают *б, л, т, ɣ, h (с)*. Например:

1) *-быт* (*-ныт* // *-мыт*) – аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч., в древних тюркских языках этот аффикс имел следующие формы: в орхонско-енисейских *-miz, -miz̄, -muz, -müz*, в уйгурских *-umuz, -imüz*. В некоторых современных тюркских языках (турецком, туркменском, азербайджанском, узбекском) сохраняется древняя форма с начальным *т*, а в сибирских тюркских языках, а также в башкирском, киргизском, кумыкском, татарском начальный *т*- аффикса деназализуется в *б*-;

2) *-лар* (*-лар, -дар, -нар*) – аффикс множественного числа, встречается во всех тюркских языках и имеет от 1 (в литературном узбекском) до 16 (в якутском, тувинском) вариантов. По типу ассимиляции начального согласного этого аффикса языки можно разделить на две группы. В первую, которая характеризуется полной ассимиляцией после *-л(лар)* и *-н(нар)*, входят хакасский, язык желтых уйгуров, шорский языки, тоджинский диалект тувинского языка. Во второй группе аффикс на *-л* диссимилируется после *-л, -н* основ – это алтайский, киргизский, казахский языки. Тувинский занимает промежуточное место между этими группами: аффикс на *-л* диссимилируется в *-д* после основы на *-л*, но назализуется после *-н*. Якутский приближается к первой группе, отличаясь от нее переходом *-л* > *-д* после *-й* и *-р*;

3) изменение аффиксов с анлаутным *т*-. Аффикс местного падежа (в якутском языке – частного падежа; древнее значение местного падежа сохранилось только в наречиях и местоимениях). В орхонских памятниках регулярно употребляется *-та* после сонорных и звонких, а *-да* после глухих и в интервокальном положении, хотя отступления от общего правила все же встречаются: *sabynda* 'в моей речи', *kemdä* 'у реки Кем', *käčindä* 'у Кечина'. Сочетания типа *rd, ld* на слогоразделе характерны для некоторых енисейских памятников (№ 5–9, 11, 13, 14, 25, 29) [Батманов и др., 1962. С. 48]. В рукописных текстах единого правила не установлено. Некоторые имена принимают то ту, то другую форму: *ayruu + ta, ätüz + tä, bas + ta, yol + ta, öd + tä, irag + ta, jir + dä, aja + da* [Gabain, 1950. S. 182]. В более поздних гератских и караханидских памятниках закономерность употребления *-та* и *-да* сходна с большинством современных языков, хотя встречаются некоторые отклонения (*ištä ~ išdä*) [Brockelmann, 1954. S. 127].

Употребление глухого варианта аффикса в интервокальном положении отличает якутский язык от древних и большинства современных тюркских языков, сближая с языками желтых уйгур и барабинских татар. Но все остальные формы ассимиляции этого аффикса характерны только для якутского языка, что еще раз свидетельствует о том, что ассимиляция развивалась в отдельных группах тюркских языков уже в послеорхонский период.

Если ассимиляция словоизменительных аффиксов довольно последовательна, то ассимиляция внутри основ имеет свои закономерности, которые значительно различаются по диалектам. По этому, второму, типу могут изменяться и словообразовательные аффиксы в производных основах. Например, изменения аффикса *-сыт* при присоединении к основам на *-л*: ‘гость’ – *ыалдьыт, ыальдьыт, ыаддьыт, ыалььыт*; ‘следопыт’ – *суолдьут, суолььут, суольдут*; ‘охотник’ – *булчут, бульчут, буччут, бурчут, булчук киһи* [Убрятова, 1960. С. 110–111].

Якутский аффикс *-сыт* соответствует аффиксу *-чы* других тюркских языков; *с*, возникший из *ч*, в зависимости от конечного согласного основы, может переходить в *-ч*-, *-дь*-, *-нь*-. По-другому протекает ассимиляция в аффиксах, сохранивших древнетюркский *č*.

Ср. як. *бачча* ‘столько’ < др. т. *biŋča*; в других родственных языках: хак. *мынча* (*мынжа*), алт. *мынча*, тув. *мынча*, кирг. *мынча*; хак. *анча* (*анжа*), алт. *анча*, тув. *ынча*, кирг. *анча* – в тех же значениях. В употреблении этого аффикса обращают на себя внимание два момента: сохранение древнетюркского *č* и разный характер ассимиляции после *н* основы. Древнетюркский *č* сохраняется и не переходит в *с* и в некоторых других аффиксах: уменьшительно-ласкательный аффикс *-чык* (*аанчык, догорчук, догоччук, кулунчук*). Этот аффикс встречается в древнетюркском (*oulančiq*) и сохраняется в некоторых современных тюркских языках: тув. *-чык, -жык*; хак. *-чак*, алт. *-чак*. *Ч* экватива сохраняется почти без исключений. Единственный пример перехода *č* > *с* (*h*) в вопросительном местоимении *töhö*. Е. И. Убрятова отметила, что сочетание *-нč*-, образованное на стыке основы и аффикса, в большинстве языков изменяется по тем же правилам, что *-нč*- в неразложимых основах: сохраняется без изменений в алтайском, татарском, киргизском, узбекском, тувинском языках. В азербайджанском, гагаузском, турецком, хакасском *č* озвончается. В казахском и каракалпакском языках, как известно, *č* > *с*. В якутском языке в неразложимых основах *-нч*- > *-ньнь*-. Но при присоединении аффикса *-ча* правила сочетаемости оказываются различными: 1) полная регрессивная ассимиляция в местоимениях *бачча, оччо* ‘столько’; 2) сохранение сочетания *-нч*- в приблизительных числительных: *уонча* ‘около десяти’. Возможно, это объясняется тем, что в тот период, когда *нč* > *ŋ*, *ča* сохранял еще некоторые особенности послелога. А полная регрессивная ассимиляция в местоимениях и наречиях вызвана тем, что они в современном якутском языке воспринимаются как непроемные. Присоединяясь к основам на гласный, *č* аффикса удваивается: *итиччэ* ‘столько’, *сүүрбэччэ* ‘около двадцати’. Такая его особенность могла препятствовать переходу *ч* в *С*. Геминация может использоваться для сохранения исходной, более древней формы.

Сильно развитая ассимиляция привела к появлению большого количества удвоенных согласных. Но не все долгие (удвоенные) в якутском языке могут быть объяснены ассимиляцией. Эти долгие согласные могут соответствовать кратким согласным других языков: монг. *soqur* > як. *соххор* ‘одноглазый’, *-чч*- в аффиксе имени деятеля *-аччы* < монг. *аči*; интересно еще и то, что вторая форма с удвоенным *-чч*- встречается в хакасском и тувинском языках. Для современного якутского языка противопоставление по долготе – краткости не является фонологическим. Геминированные согласные встречаются во всех тюркских языках, не представляя системы, такой как в финно-угорских. Их происхождение объясняют различными причинами: влиянием других языков, выражением количественной и качественной семантики, редукцией узкого гласного второго слога, исчезнувшей долготой гласного.

Одной из причин образования неассимилятивных долгих согласных может быть следующая: долгота согласного является сопутствующим качеством, присущим сильному согласному в интервокальном положении. Так, например, в тофском языке в интервокальной позиции существует четкое противопоставление сильных и слабых согласных. При этом сильные согласные всегда глухие и долгие. Сильные ауслатные *s* и *t*, попав в интервокальное положение, усиливаются, вплоть до геминации [Рассадин, 1971. С. 63]. В тувинском языке в интервокальном положении *k* и *p* в одиночном виде не встречаются. Например, пишут *эки* ‘хорошо’, а произносят *экии*, пишут *акый* ‘старший брат’, а произносят *аккый*. В слове *анар-* ‘становиться чем-то’ для различия его на письме от слова *анпар* (*an* + *баар*) ‘унести’ пишется одно *n*, хотя в произношении эти слова не различаются [Исхаков, Пальмбах, 1961. § 92, 96]. Можно предположить,

что якутский язык прошел через такую же стадию развития фонологической системы, когда сильные согласные в интервокальном положении усиливались вплоть до геминации.

При дальнейшем развитии фонологических систем разных тюркских языков эта позиционная долгота отразилась по-разному. В некоторых языках оттенковый признак, не игравший смыслообразительной роли, стал ведущим – фонематическим. Так, в алтайском языке (алтай-кижи) согласные подразделяются на шумные и малошумные. Шумные могут быть долгими и краткими, долгие употребляются только в середине слова, преимущественно в морфологически неразложимых основах. В якутском языке, фонологическая система которого претерпела очень сильные изменения, этот признак отразился непоследовательно: 1) как удвоенный согласный (*икки, сэттэ*); 2) исчезновение долготы и озвончение согласного в интервокальном положении (*оғус, тоғус*); 3) исчезновение долготы, но сохранение глухости.

В тюркологии законам сочетаемости звуков посвящено немало специальных исследований. Сочетание *сонорный + шумный глухой* на морфемном шве С. Е. Маловым рассматривалось как классификационный признак, характеризующий сохранение в языке древних черт. Большой интерес для истории тюркских языков представляет позиция сонорного в сочетании с шумными внутри морфемы и на морфемных швах.

На морфемных швах в языке рунических памятников были возможны сочетания *шумный глухой + шумный звонкий, шумный звонкий + шумный глухой, шумный + сонорный, сонорный + шумный глухой, сонорный + шумный звонкий*. В древнетюркском языке процессы варьирования консонантно-начальных аффиксов в зависимости от исхода основы затрагивают только шумные согласные: *tap-dim, asi-di-miz, olur-t-di, az-ti, sub-qa* и т. д. Проблема сочетаемости шумных согласных по диссимиляционному типу получила различное объяснение у таких исследователей, как Л. Йохансен [Johanson, 1979], Э. Р. Тенишев [1973], И. В. Кормушин [2004] и др. Обобщение этих точек зрения представлено в монографии А. С. Аврутиной [2011]. В данной статье затрагивается один тип сочетаний: *шумный + сонорный*.

Сочетания по принципу диссимиляции (контрастной сочетаемости) служили пограничным сигналом на морфемных швах и поддерживали прозрачность морфемной структуры слова. Высокая частотность сонорных в анлауте аффиксов, при ограниченном их употреблении в анлауте слова¹ тоже служила своеобразным маркером аффиксальной морфемы.

Изменение закономерностей сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а также на алломорфное варьирование, а через него и на структуру морфологических парадигм.

Согласные сочетаются между собой по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков. Для языка тюркских рунических памятников внутри односложной корневой морфемы было возможно только сочетание *сонорный + шумный*: *elt* ‘тянуть’, *alp* ‘герой’, *türk* ‘тюрк’, *qırq* ‘сорок’ и, реже, *шумный спирант + шумный смычный*, например: *alt* ‘низ’ [Кононов, 1980. С. 75]. Эта закономерность сохранилась и в современных тюркских языках: так, в односложных словах в казахском языке зафиксировано 17 двухэлементных сочетаний согласных, самыми предпочтительными в первой от гласного ядра позиции являются сонанты: они встречаются в 16 из 17 сочетаний, во второй позиции употребляются только шумные согласные, подобная же картина в каракалпакском: в 92,3 % случаев первую позицию занимают сонанты, во второй позиции – только шумные согласные [Авазбаев, 1992. С. 23–24]. В тюркских языках Сибири (а также в некоторых кыпчакских языках – киргизском, казахском и др.) идет процесс, который можно охарактеризовать как перенос фонотактических закономерностей, свойственных односложной корневой морфеме, на межморфемные консонантные сочетания.

¹ Вторичный характер анлаутного *m-, n-* только в одном тюркском корне и производных от него; возможность того, что *j-* выступает как шумный спирант; отсутствие в собственно тюркской лексике *l-* и *r-*.

Возникший в ряде тюркских языков запрет на сочетания типа *шумный + сонорный* на морфемных швах привел к серьезным сдвигам как на фонологическом, так и на морфологическом уровнях. В результате действия этого запрета вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) возникают многовариантные аффиксы.

Одним из результатов этого процесса стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском в анлауте сонорный согласный. В первую очередь это затрагивает аффиксы, имевшие в древнетюркском в анлауте *m-*; например, аффикс отрицания *-ma* у глаголов.

-m- аффикса восстанавливает Г. И. Рамstedт [Щербак, 1981. С. 98]. В др. т. *-ma*, *-mä* отрицательная основа глагола: *qılma-* ‘не делать’, *ölür-mä* ‘не убивать’, и часть сложных аффиксов отрицательных инфинитных форм: *-maz*, *-malı*, *mazyan* и др. [ДТС, 1969. С. 657].

В современных языках Южной Сибири этот аффикс имеет основной вариант (в качестве основного принимается вариант, употребляемый после гласного основы) *-ба // -ва*: тоф. *сана-ва* ‘не читать’, *бер-бе* ‘не давать’, *ал-ба* ‘не брать’, *алыс-па* ‘не поддаваться’.

Вариант *-ма* может появиться только после основ, заканчивающихся на *-н*: *һаактан-ба* (~ *һаактан-ма-* ‘не кататься на лыжах’) [Рассадин, 1978. С. 170].

тув.: *-на // -не* после шумных согласных; *-ба // -бе* после *л, р, й, г*; *-ва // -ве* после гласных и *-ма // -ме* после *м, н, ң*: *тут-на* ‘не держать’, *ал-ба* ‘не брать’, *бода-ва* ‘не думать’, *мун-ма* ‘не ехать верхом’. В западном и переходном диалектах в позиции после *-м* и *-н* появляется *n-*: *хәм-не* ‘не закапывать’, *сагын-на* ‘не вспоминать’.

хак.: после основ на гласную и сонорные *р, н, л, й* употребляется вариант *-ба // -бе*: *сине-бе* ‘не измерять’, *пар-ба*, *хал-ба*; после основ на *-н, -нъ, -м* употребляется вариант *-ма // -ме*: *ай-лан-ма-* ‘не возвращаться’, *сом-ма* ‘не купаться’; после основ на шумный согласный идет вариант на *-на // -не*: *сат-на* ‘не продавать’ [Дыренкова, 1948. С. 72].

алт.: после основ на гласный употребляется вариант *-ба // -бе // -бо // -бө*: *иште-бе* ‘не работать’; после основ на *р, л, й* – *-ба // -бе // -бо // -бө*: *кел-бе* ‘не приходиться’, *бар-ба* ‘не идти’; после основ на шумный употребляются варианты с начальным *n-* [Дыренкова, 1940. С. 155].

В якутском языке отрицательный аспект глагола образуется при помощи аффикса *-ма // -ыма*: *ытаа-* ‘плакать – *ытаа-ма* ‘не плакать’, *санаа* ‘думать’ – *санаа-ма* ‘не думать’, *киир* ‘входить’ – *киир-име* ‘не входить’ [ГСЛЯЯ, 1982. С. 226].

Но такой способ присоединения к основе, заканчивающейся на согласный, аффикс отрицания имеет далеко не во всех глагольных формах.

В форме отрицательных причастий на *-бат* (отрицательное причастие настоящего времени), *-батах* (отрицательное причастие прошедшего времени) показатель отрицания как бы утрачивает связь со своим исходным вариантом и в позиции после гласного употребляется уже как шумный согласный: *кэпсээ-бэт*, *аһаа-бат*; *ыл-бат*, *бар-бат*, – оглушаясь после глухого шумного согласного основы: *тик-пэт*, *аах-пат* и т. д.

Ср. форму отрицательного деепричастия в якутском с другими тюркскими языками Сибири: в большинстве тюркских языков одна отрицательная форма и для деепричастия на *-ып* (як. *-ан*), и для деепричастия на *-а*: др. т. *-майын*; тув. *-байн*; тоф. *-бейн*; хак. *-бин*; шор. *-баан*, алт. сев. диал. *-бийн*, алт. южн. диал. *-май*; як. *-ымына*.

Если отрицательный аффикс находится в структуре вторичного аффикса, который присоединяется к глагольным основам, заканчивающимся на согласный при помощи соединительного гласного, то *-м-* в структуре этого аффикса сохраняется, если отрицательный компонент входит в структуру вторичного аффикса, который присоединяется к глагольной основе непосредственно, то *м > б*, даже в позиции после гласного основы. Южносибирские языки полностью сменили основной вариант с шумным согласным в анлауте, якутский – частично. Таким образом, якутский не пошел столь последовательно, как другие южносибирские языки, в смене основного варианта аффикса глагольного отрицания.

Тот же процесс – десоноризация анлаута для аффиксов с переднеязычными согласными *n-* и *л-* – фиксируется в южносибирских языках на более ранних ступенях изменения. В южносибирских языках падежная система представлена преимущественно кыпчакским

и уйгуро-кыпчакским подтипами. Соответственно, аффиксы в безличной парадигме имеют консонантно-начальные варианты [Благова, 1982. С. 49–52]. Поэтому можно проследить за изменениями начального *н*-аффиксов на примере винительного и родительного падежей.

В древнетюркском языке винительный падеж после согласных был представлен аффиксом *-у*, *-g*, очень редко *-ni*, *-ni*, *-n* – в лично-притяжательной парадигме, после гласных – *-ni* // *-ni*, родительный *-iŋ* // *-iŋ*; *-ig* // *-iγ*, после согласных; *-niŋ* // *-niŋ* после гласных. В древнетюркском уже формировался тип, близкий современным огузским языкам, где выбор консонантно-начального или вокально-начального варианта аффикса зависит от исхода основы. Унаследовал этот тип и якутский язык: *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-нү* – после гласных, *-ы*, *-и*, *-у*, *-ү* – после согласных.

В южносибирских тюркских языках варианты падежных аффиксов (поначальному согласному) образовывались в результате действия двух закономерностей: 1) после шумного согласного основы не употреблялся сонорный; 2) в разных тюркских языках сложились отличающиеся друг от друга закономерности сочетания между собой сонорных – поэтому после шумных возникает вариант аффикса с шумным анлаутом: *-ты* (аффикс винительного падежа), *-тың* (аффикс родительного падежа), во всех остальных позициях сохраняется *-н*:

тоф. род. п.: *-тың*, *-тиң*, *-туң*, *-түң* после шумных: *аът-тың* ‘коня’, *эът-тиң* ‘мяса’, *эшт-тиң* ‘друга’ и т. д.; *-ның*, *-ниң*, *-нуң*, *-нүң* после гласных и всех сонантов: *даг-ның* ‘горы’, *ай-ның* ‘месяца’, *кар-ның* ‘снега’, *чаа-ның* ‘войны’;

вин. п.: *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-нү*, если основа оканчивается на любой гласный и сонант: *суз-ну* ‘воду’, *хам-ны* ‘шамана’, *ай-ны* ‘месяц’, *чаа-ны* ‘войну’; *-ты*, *-ти*, *-ту*, *-тү* – если основа оканчивается на шумный согласный: *балык-ты* ‘рыбу’, *эът-ти* ‘мясо’ [Рассадин, 1978. С. 30–31].

По этому же типу меняется форма аффиксов в чулымско-тюркском языке, встречается этот тип и в хакасском, но в сагайском после *-р*, *-л* появляется вариант со звонким шумным *-дың*, *-ды*; т. е. зона шумных аллофонов раздвигается, этот процесс идет уже под влиянием запретов на сочетаемость сонорных. В алтайском языке аффиксы с шумным в анлауте появляются после двойного узкого *-уу-*, *-үү-*: *черү-динь*, *черү-ди*; после *р*, *л*, *й*: *мал-дынь*, *мал-ды*. Винительный падеж с шумным в анлауте появляется после *-н*, *-нь*, *-м*: *таан-ды*, но *таан-нынь*, *ань-ды*, но *ань-нынь* [Дыренкова, 1940. С. 67].

Н. А. Баскаков в туба-диалекте отмечает факультативные варианты *-нынь* // *-дынь*, *-ны* // *-ды* после гласного основы [1966. С. 60].

Такие же варианты встречаются в шорском диалекте хакасского языка: *түлгү-ди* ‘лисицы’ [Межекова, 1973. С. 58]; *акча-ды* ~ *акча-ны* ‘деньги’; *пуза-ды* ~ *пуза-ны* ‘теленка’.

Из-за расширения зоны алломорфов с шумным согласным в анлауте они постепенно выдвигаются в позицию основного варианта морфемы.

В большой группе современных тюркских языков, в том числе во всех тюркских языках Сибири, сформировался запрет на употребление сонорных после шумных на морфемном шве, что отличает их от югозападных тюркских языков (турецкий, азербайджанский, узбекский, карачаево-балкарский), где этот тип сочетания сохраняется: тур. *ev* ‘дом’ – *evler* ‘дома’, *sokak* ‘улица’ – *sokaklar* ‘улицы’, *çocuk* ‘ребенок’ – *çocuklar* ‘дети’ и т. д.

Запрет на сочетания типа *шумный* + *сонорный* послужил одним из стимулов развития ассимиляции на морфемных швах, вместо одновариантных аффиксов (поначальному согласному) *-lar* (множественное число), *-liγ* (аффикс обладания), *-ma*, *-maz* (глагольные отрицательные аффиксы) и т. д. возникают многовариантные аффиксы: *-lar*, *-tar*, *-dar*, *-nar* и др.

Одним из результатов этого запрета стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный: как основной вариант аффикса стал восприниматься десоноризованный (деназализованный): хак. *сине-бе* ‘не измеряй’; тоф. *сен бар-ба* ‘ты не уходи’ и т. д. Ср. як. *аһаа-ма* ‘не ешь’, но *аһаа=бат* отрицательная форма причастия прошедшего времени. Этот процесс охватывает не только дву- и трехкомпонентные аффиксы, но и аффиксы, состоящие из одного согласного, например залоговые показатели, которые могут оказаться в постконсонантной позиции после выпадения узкого гласного при аффиксальном наращении, когда следующий аффикс начинается с широкого гласного, см. як. *ытын-* + *-ар* > *ыттар* ‘взбирайся’. Такие изменения ведут к сильному

«затемнению» морфологической структуры слова. Увеличение алломорфов и затемнение морфологической структуры словоформы усложняют морфологическую систему.

Построение сочетаний согласных по нисходящей звучности, когда сонорный всегда предшествует шумному, характерно не только для восточной группы тюркских языков. Оно типично для бурятского языка, нганасанского, чукотского и др. Это дает возможность поставить вопрос об ареальном характере этого явления.

Список литературы

Авазбаев Н. Фонотактическая структура односложных слов во флективных и агглютинативных языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992.

Аврutiна А. С. Древнетюркские рунические памятники. Система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.

Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Грамматический очерк и словарь / Под ред. Э. А. Груниной, Е. А. Поцелуевского. М.: Наука, 1966. 173 с.

Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. 259 с.

Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении / Под ред. Э. В. Севортыана, Н. З. Гаджиевой. М., 1982. 303 с.

ГСЛЯЯ – Грамматика современного якутского литературного языка / Под ред. Е. И. Убрятовой. М.: Наука, 1982. 495 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Надеяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 677 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка / Под ред. С. Е. Малова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 302 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. Г. Доможакова. Абакан: Хакобл-научиздат, 1948. 123 с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Е. И. Убрятовой. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980. 255 с.

Кормушин И. В. Древние тюркские языки: Учеб. пособие. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.

Межекова Н. Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы: Сб. науч. ст. / Под ред. Д. Ф. Патачаковой. Абакан: Краснояр. кн. изд-во. 1973. С. 49–66.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / Под ред. Л. Г. Шагдарова. М.: Наука, 1978. 288 с.

Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка / Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 252 с.

Тенишев Э. Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Сов. тюркология. 1973. № 2. С. 40–45.

Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Под ред. Л. Н. Харитонова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.

Харитонов Л. Н. Современный якутский язык / Под ред. Н. К. Дмитриева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. Ч. 1: Фонетика и морфология. 312 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол / Под ред. С. Н. Иванова. Л.: Наука, 1981. 183 с.

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literaturensprachen Mittelasiens. Leiden: E. J. Brill, 1954. 429 S.

Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. 373 S.

Johanson L. *Alttürkisch als «dissimilierende Sprache»*. Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, Franz Steiner Verlag GMBH, 1979. 157 S.

Список условных сокращений

алт. – алтайский
др. т. – древнетюркский
сев. диал. – северные диалекты
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
хак. – хакасский
шор. – шорский
южн. диал. – южные диалекты
як. – якутский

Материал поступил в редколлегию 25.11.2016

N. N. Shirobokova

*Institute of Philology, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shirobokova_nn@mail.ru

SOME TYPES OF ASSIMILATION AT MORPHEMIC SEAMS IN SIBERIAN TURKIC LANGUAGES

Rules of consonant compatibility define languages in very particular ways. They characterize a language just as strongly as its phonemic structure. Specific traits of sound combination formations depend on several parameters, primarily on the fact whether these processes occur within the root, the word stem, or during the addition of affixes. We primarily observe the latter (addition of derivational and inflectional affixes).

In Turkic languages, affixes starting with consonants may be combined with word stems ending with consonants by various means: the number of affix variants largely depends on this. The number of allomorphs formed by variants of initial consonant shows the ease of sound combination in each language.

Affixes starting with consonants may be attached with the help of copulative vowels. Ex.: *бар-ы-ма!* ‘don’t come!’, *бар-ы-ман!* ‘don’t come (Plur.)!’ (Yakut). Affixes attached with the help of a copulative vowel (not changing the initial consonant) were common in Old Turkic and remain common in Yakut: =мсый/=ымсый, =ргaa/=ыргaa, =талаa/=ыталаa. In other Turkic languages, it is possible to view as single-variant the affixes where the choice between consonants and vowels in the beginning depends on the end of the word stem: Acc. *таба=ны* ‘reindeer’, but *ат=ы* ‘horse’, *эт=и* ‘meat’.

Second way: the word stem ending with a consonant is directly combined with an affix starting with a consonant, and various types of assimilations occur at the morphemic seam: progressive, regressive, progressive-regressive, full, and partial. In Turkic languages, the most common type is progressive assimilation where the initial consonant of an affix changes depending on the final consonant of the word stem.

The change of patterns in sound compatibility directly influences the phoneme paradigms, broadening or narrowing down the possibilities of their opposition, as well as allomorph variations and structures of morphological paradigms.

Consonants are combined according to specific patterns which characterize specific languages and types of languages alike. In the language of runic Turkic literary monuments, only sonorant + obstruent consonant combinations were possible in single-syllable root morphemes. This pattern is also preserved in modern Turkic languages. However, the following combinations occurred at morphemic seams in runic literary monuments: voiceless obstruent + voiced obstruent, voiced obstruent + voiceless obstruent, obstruent + sonorant, sonorant + voiceless obstruent, sonorant + voiced obstruent. Combinations based on the principle of dissimilation (contrastive compatibility) existed in runic text, which possibly served as border markers at morphemic seams and supported the transparency of the morphemic structure. High frequency of sonorants in affix anlaut (combined with their relatively low frequency in word anlauts) also served as a marker of affixes.

In Siberian Turkic languages (as well as several Kipchak languages: Kyrgyz, Kazakh, etc.) we may observe a process that can be characterized as a transfer of phonotactic patterns typical from single-syllable root morphemes to intra-morpheme consonant combinations.

This prompted the process of change of basic affix variant in Siberian Turkic languages: affixes that used to contain sonorants in anlaut (in Old Turkic) now contain voiced consonants: *-ма* > *-ба*. This process is still developing and is steadily absorbing affixes with anlaut *-м*, and less frequently with *-н*; examples with *-л* (after vowels) have not been observed.

Special research is required due to the fact that some combinations are only found within word stems, or only at morphemic seams, or both. These differences may be caused by preservation of more ancient forms in word stems that are currently indivisible. Processes of assimilation at morphemic seams lead to obscuration of morphemic structures and complication of grammatical paradigms.

Distinctive patterns of attachment of affixes starting with vowels also obscure morphemic structures when word stems ending with vowels are combined with affixes starting with vowels. As a result, intra-morpheme borders disappear, which also results in obscuration of morphological structures and breaks one of the most frequent 'laws' of agglutinative languages – the transparency of morphemic structures.

Keywords: assimilation, progressive assimilation, regressive assimilation, dissimilation, morpheme, phonotactics.

References

Avazbayev N. Fonotakticheskaya struktura odnoslozhnykh slov vo flektivnykh i agglutinativnykh yazykakh. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Phonotactic Structure of Single-Syllable Words in Flective and Agglutinative Languages. Dr. phil. sci. diss.]. St.-Petersburg, 1992. (In Russ.)

Avrutina A. S. Drevnetyurkskiye runicheskiye pamaytniki. Sistema pis'ma i fonologicheskaya rekonstruktsiya: Monogr. [Old Turkic Runic Literary Monuments. Writing System and Phonological Reconstruction. A Monograph] Moscow, Editorial URSS, 2011, 136 p. (In Russ.)

Baskakov N. A. Dialekt chernevykh tatar (tuba kizhi). Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka: Grammaticheskii ocherk i slovar' [Tuba-Kizhi Dialect. Northern Dialects of Altai (Oiro) Language: Overview of Grammar and Vocabulary]. Moscow, Nauka, 1966, 173 p. (In Russ.)

Batmanov I. A., Aragachi Z. B., Babushkin G. F. Sovremennaya i drevnyaya yeniseika: Mohogr. [Modern and Ancient Yenisei Language Studies. A Monograph] Frunze, Izdatel'stvo AN KirgSSR, 1962, 259 p. (In Russ.)

Blagova G. F. Tyurkskoye sklonenie v areal'no-istoricheskom osveshchenii Monogr. [Turkic Declination: An Areal-Historical Overview: A Monograph]. Moscow, Nauka, 1982, 304 p. (In Russ.)

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litaraturschprachen Mittelaziens. Leiden, E. J. Brill, 1954, 429 p.

Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969. (In Russ.)

Dyrenkova N. P. Grammatika khakasskogo yazyka: Monogr. [Khakas Grammar: A Monograph]. Abakan, Khakoblnauchizdat, 1948, 123 p. (In Russ.)

Dyrenkova N. P. Grammatika oirotskogo yazyka: Monogr. [Oïrot Grammar: A Monograph] Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1940, 302 p. (In Russ.)

Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, Otto Harrassowitz, 1950, 373 p.

Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka: Monogr. [Modern Yakut Literary Grammar: A Monograph]. Moscow, Nauka, 1982, 495 p. (In Russ.)

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya: Monogr. [Tuvan Grammar. Phonetics and Morphology. A Monograph]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961, 472 p. (In Russ.)

Johanson L. Alttürkisch als «dissimilierende Sprache». Wiesbaden, Academie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, Franz Steiner Verlag GMBH, 1979.

Kharitonov L. N. Sovremenniy yakutskiy yazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologiya: Monogr. [Modern Yakut Language. Part 1. Phonetics and Morphology. A Monograph]. Yakutsk, Yakutskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1947, 312 p. (In Russ.)

Kononov A. N. Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov (VII–IX): Monogr. [Grammar of Turkic Runic Literary Monuments (VII–IX). A Monograph]. Leningrad, Nauka, 1980, 255 p. (In Russ.)

Kormushin I. V. Drevniye tyurkskiye yazyki: Ucheb. Posobie [Old Turkic Languages. A Textbook]. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo universiteta im. N. F. Katanova, 2004, 336 p. (In Russ.)

Mezhekova N. N. Shorskii dialekt [Shor Dialect]. Dialekty khakasskogo yazyka. Ocherki i materialy: Sb. nauch. rt. [Khakas Dialects. Articles and Materials: An Anthology]. Abakan, Krasnoyarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1973, p. 49–66. (In Russ.)

Rassadin V. I. Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka: Monogr. [Tofalar Phonetics and Lexis. A Monograph]. Ulan-Ude, Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1971, 252 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii: Monogr. [Tofalar Morphology in a Comparative Light]. Moscow, Nauka, 1978, 288 p. (In Russ.)

Shcherbak A. M. Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov. Glagol: Monogr. [Articles on Comparative Turkic Morphology. Verb: A Monograph]. Leningrad, Nauka, 1981, 182 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. Smychnyye soglasnyye v yazyke tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov [Occlusive Consonants in Language of Turkic Runic Literary Monuments]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. Baku, 1973, no. 2, p. 40–45. (In Russ.)

Ubryatova E. I. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostei yazyka naseleniya nekotorykh raionov Yakutskoi ASSR: Monogr. [An Experiment in Comparative Studies of Phonetic Traits of the Language of Some Regions of Yakut ASSR: A Monograph]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1960, 151 p. (In Russ.)